

Главный сценарист
всего итальянского
кино и его русская муза

фото Юрия БЕКИСТОВА

ГЕНЕРАЛ И ИТАЛЬЯНСКОГО

об иностранцах, об их деловой активности. Но у Тонино ни одна секунда не проходит впустую. И это является единственной формой его существования. Как-то раз мы сходили с ним в Киев. И вот на станции Конопот нас высадили пограничники — итальянские паспорта, то-се. Жуткий вокзал, обшарпанная эта комната милиции, грязь, хамство... Позор. Мы сгораем от стыда. А Тонино достал блокнот, карандаш — и стал работать...

Как-то раз Феллини, Тарковский и Гуэрра обедали в маленьком ресторане в 15 километрах от Рима. Это была первая встреча Феллини с Тарковским, который снимал тогда «Ностальгию» по сценарию Тонино. Феллини, не отрываясь от салфеток, на которых рисовал лодки, окруженные стаей акул (придумывал «Город женщин»), спросил у Тарковского: «Как тебе работаете с Тонино?» «Мне с ним легко», — ответил Андрей. — Он поэт». Феллини помолчал. Потом взглянул на старого своего друга. «Жаль. Первым это должен был сказать я».

Гуэрра сделал с Феллини четыре фильма. С Антониони — десять. Работал с

эзии Гуэрры — «нежность». Эта огромная молочница, этот сумасшедший дядюшка на дереве...

Великанская физиология вертепа сквозь кисею дождя и снега, с которыми так любит манипулировать Тонино. Они вместе рисовали свои фильмы, а потом вместе оживляли эти рисунки — чем не анимация?

Наша задача была — организовать наш мир или одну из сторон этого мира — мир Феллини. Он всегда делал зарисовки своих фильмов раньше, чем начинал снимать.

Придумывал персонажа, а потом искал его в жизни?

Да, конечно! Феллини, — Тонино вновь переходит на русский, по-видимому, не вполне доверяя Лоре мужскую серьезность некоторых характеристик, — он любил много попла, большой женщин, весь попла, свежий, весь молоко... — ему не хватало слов, он возвращается к итальянскому и показывает руками, как бы обводя ладонями огромные мячи.

Он хотел создать женщину с таким громадным бюстом, — приходит на помощь верная Лора, — которой хорошо бы засунуть голову между грудей, и рисовал это, и мужская голова была, как третья грудь.

Неужели и в Европе тоже?

Ни один продюсер в мире не любит поэтическое кино. А настоящая анимация — это поэзия в чистом виде. Все гении кинематографа стояли на грани анимации. Такие великие художники, как Тарковский, Парджанов, Рустам Хамдамов, никогда не смогли бы сделать в Европе то, что они делали на родине. Это очень трудно — создавать собственные миры. Иногда смертельно. Первые десять лет в Риме — в 50-е годы — я голодал. Антониони испытывал страшные мучения. На острове, где он снимал «Приключения», им с группой нечего было есть. Феллини последние четыре года не давали снимать, и это его очень изнурило, из-за этого он и заболел, и умер. Когда мы с ним увиделись последний раз незадолго до его смерти — мы ехали в машине, шел дождь — он мне сказал: «Тонино, ты заметил, что мы продолжаем делать самолеты, когда нет уже больше аэропортов?» Европейские продюсеры страшнее русских политиков... Я по-прежнему мечтаю о рукодельном полнометражном фильме. Я опять хочу работать с прекрасными российскими мастерами. Мы вместе должны что-то противопоставить насильному внедрению высоких и холодных компьютерных технологий.

Я слышала, у вас есть такой сценарий...

И даже «пилот». Мы с Хржановским и Бархиным начали экранизировать мою сказку «Генерал и Бонапарте». Мастраянни так понравились фильму Андрея, что он хотел участвовать в этой новой игре. Сергей и нарисовал Генерала, героя фильма, похожего на Мастраянни. Мы хотели, чтобы он говорил о своем герое в заставке, а потом появлялся бы рисованный Марчелло. Но мы не успели... А фильм так и застрял на стадии «пилота».

Феллини и Мастраянни ушли друг за другом. Слово один позвал другого.

Так оно и было. Они были такими веселыми людьми, веселыми в работе и в своих вечных провокациях... Они не могли расстаться надолго.

Как вы пережили эти потери? Они изменили вас?

Мне восемьдесят лет. Я пережил многих. Меня покинул Параджанов, и это было очень больно, я дышал воздухом его сказок. Тарковский растворился в своей ностальгии... Боль о Марчелло поселилась во мне задолго до известия о его смерти. Когда мне позвонили рано утром и сообщили... Боли не было. Было оцепенение. Слово идешь по летнему пляжу, обернулся — а там, позади тебя, выпал снег. Помнишь кадр в «Блоу ап», где играют в теннис без мяча? Мне теперь все чаще кажется, что я так играю — без мяча.

Исчезает смысл игры?

Не знаю. Не смысл. Смысл — это искусство. Но какой-то важный элемент — да, исчезает. Феллини с Марчелло создавали климат игры. Я помню, как они носились с дикой скоростью по Римину, Федерико за рулем, а Марчелло рядом, притворяясь, что умирает, с белым платком на лице. И за ними вихрем летели папарацци с фотоаппаратами

У Тонино Гуэрры много общего с Россией. Как большинство советских людей его поколения, он сидел в лагере. Женат на русской. Работал с русскими режиссерами и художниками. Дом его набит разными приветами от русского искусства. У него славные мастеровые руки. Он много думает о Боге — впрочем, в поэтическом ключе. Любит пышных женщин и рисует их: русских баб в сарафанах с петухами на руках и лошадок, похожих на дымковскую игрушку, а в уголке — обязательно купола с православными крестами.

«Мои пастели, — говорит Тонино, — наполнены импульсами из России». Он любит Питера и понимает его, как может понимать и любить только старый петербуржец. У него есть поэма о Петербурге, прекрасно переведенная Беллой Ахмадулиной, где Тонино справедливо замечает, что совсем он не чужой в этой симфонии Кваренги, Росси и Растрелли.

Как и мы, он мечтатель. Хотя механизм его мечты не похож на наш.

Если человеку не хватает солнца, чтобы вырастить цветы на земле, — говорит Тонино, — он старается их придумать, и в этом русские большие мастера. Вы специалисты по мечтаньям, потому что вам недостает реальности. Ты знаешь, что сказки обычно рождаются зимой? В Италии их рассказывают зимой у огня. А в России — долгая зима. Когда длинная зима — нужны сказки, чтобы согреться.

В России мы согреваемся, как известно, не только сказками. Мечты же Тонино не компенсируют недостаток тепла, а питаются от него. От солнца, от неистовой итальянской зелени, в заросли которой убергал Гоголь лечить свою черную немочь. И особенно — от того густого бульона великого искусства, в котором все они там плавают, о счастливицы. Может быть, поэтому водке он предпочитает хорошее вино.

Если бы Гуэрра жил двести лет назад, он был бы непременно среди тех итальянцев, которые «наполняли импульсами» своей синеватой родины сумрачную снежную Россию.

Собственно, он делает это и сейчас — на территории своего московского дома. Шкафчики, выкрашенные в синий и зеленый цвет, со странными дверцами, разросшимися, словно кроны деревьев... Мебель — одна из игр Тонино Гуэрры, часть сказочного контекста, которым он себя окружает.

Я хочу, — говорит Тонино, — чтобы каждому казалось,

что он сделал эту мебель сам. Все, с кем я работал, были божественными рисовальщиками. Рисунок маскирует действительность... (жена Лора, доблестный и блестящий переводчик, что-то переспрашивает, Тонино бурно отвечает, несколько раз мелькает слово *carnevale*). Не так: рисунок надевает на действительность маску, да? Карнавализирует. Поэтому внимание к рисунку дает реальности новое измерение. Внимание к рисунку — это внимание к деталям, к мелочам жизни, которые создают ее театр. Это есть у Юрия Норштейна и у неореалистов. Мебель — это домашний театр, маленькая сказка.

В Китае у каждого предмета домашней утвари был свой божок...

О, да. И это очень гуманно. Все одушевляется. И в мебели, как в живом существе, должна быть тайна. Открыть мебель (Лора укоризненно смотрит на Тонино) — это как вести в постель женщину... Часто женщина раздевается за три минуты — это слишком быстро. Сейчас вещи стали совсем простыми. Как и отношения с женщиной. Знаешь... Если женщина попросит у меня поцелуй — я откажусь.

Тонино смотрит на Лору, берет ее за руку. Оба смеются. О, Элеонора Яблочкина не просила поцелуй у Тонино Гуэрры. Как, собственно, и он у нее. Тонино отметил божественную русскую фигуру из тех, что так ему у нас нравились, и потрясающую венецианскую голову эпохи Возрождения: рыжие кудри и зеленые глаза. Венежанки красились все как одна — золототысячником, гуммиарабиком, мылом, вскипятить, промывать и сушить на солнце. Медная стружка Лоры была натуральной. Он изумруды, из самых дорогих стекол Мурано, карнавальные венецианские изумруды смотрели туго.

В тот вечер веселых семидесятых, когда московская богема отчаянно гуляла по кухням и мастерским, Лора впервые за полгода вышла из дома. Вдова. Она ни слова не понимала из зажигательных речей знаменитого итальянца. Тогда он, любитель детских игр, купил ей птичью клетку и набросал туда кучу записок. И эти маленькие послания старательная Лора стала разбирать, чтобы узнать, что хотел сказать ей Тонино. Он окружал ее словами, как птицами. Они поженились 18 сентября 1976 года — расписались во Дворце бракосочетаний на улице Грибоедова.

Андрей Хржановский о Тонино Гуэрре:

В 70-е годы это был человек с Луны. Мы знали кое-что

Так Гуэрра рисует Россию

Рози, Де Сикой, Ангелопулосом, Де Сантисом, братьями Тавиани... У него больше стало только поставленных сценариев. На родине о нем сказали, что он золотой нитью своего таланта прошил весь итальянский кинематограф. Создал его интеллектуально.

А его всегда спрашивали только о Федерико, — с укоризной сказала мне Лора. — Он немножко возмужает.

Но, но, — возражает Тонино. И продолжает вдруг по-русски: — Это можно понимать. Феллини — не как один человек. Феллини — как это... забыл... Феллини — это кино! Женщина есть целовать ей руку, да? А есть женщина...

Тониночка! — вновь качает рыжей головой прекрасная Лора, словно юная Лаура, но тут же добавляет по делу: — Его всегда спрашивают, как он мог работать с такими разными режиссерами, делать такое разное кино. На это Тонино отвечает обычно: «Я сочинял по-

хорошо это сделаешь». В фильме эти стихи есть.

Тогда было начало мой любви к России, — без всякой связи вдруг мечтательно произносит Тонино по-русски.

Нет! — ревниво восклицает Лора. — Это была любовь к Франции!

Правильно, что Казанова у Феллини старый и плешивый, — уходит от опасной темы Гуэрра. — Ему достаточно мифа о нем...

Если вдуматься, все фильмы, которые он снял с Феллини, имеют анимационную природу. Сквозь живые образы «И корабль плывет» проступают безудержные фантазмы сновидения. А «Амаркорд»? Какой это мог быть мультфильм! Земляки, уроженцы села Сантарканджело недалеко от Римини, играют с памятью своего детства. Это игра двух поэтов, хотя Феллини унаследовал брутальный эротизм Ренессанса, а ключевое слово по-

БОНАПАРТ КИНО

наизготовку: всем хотелось стать свидетелями смерти Мастроянни...

Тонино рассказывает, как писал сценарий «Джинджер и Фред». Каждое утро приходил он к Феллини и заставлял у него бывшего танцора по имени Фред, который выиграл когда-то танцевальный марафон. Обязанностью Фреда было слушать выдумки Феллини с семи утра до прихода Тонино. «И вот сейчас я почему-то все время думаю о финале фильма. Фред выходит на сцену, чтобы показать, что он — человек. И падает. Это падает человечество, думаю я. И вижу глаза Марчелло, который верит, что он великий танцор. Фред — маленькая кукла. А Мастроянни — это все мы. И он дал этой кукле свою душу. Свою тайну».

Тонино рассказывает много анекдотов о Феллини и Мастроянни. Безусловно, они живы для него.

Когда моя дочка была маленькой, она сочинила сказку. К одной женщине пришел ангел и забрал у нее дочку. И превратил в воздух. Прошло много лет. И мать вдруг думает: у всех людей есть общий воздух. А у меня есть еще свой маленький воздух. И когда его не будет, я умру. Мне кажется, тени великих друзей, которые окружают Тонино Гуэрра, — это его «маленький воздух». Он дышит им, как крепким горным воздухом городка Пеннабилле, где стоит его сказочный дом, и потому так крепок его дух и его крижистое крестьянское тело и неистощима фантазия.

— Я помню маленький двор. Мне было 12 лет. Там жил один художник, на шесть лет старше меня. Шел дождь. Всегда идет дождь, когда я это вспоминаю. Он показал мне, что во время дождя воздух под инжиром зеленый. Он показал мне следы трех куриц на мокрой земле. Как иероглифы. Тогда я написал свою первую сказку — о пауке. Паук влюбился в светлячка («светлячок» по-итальянски женского рода, объясняет Лора). И вот однажды он увидел луну, отраженную в колоде. И подумал, что это его возлюбленная. И кинулся к ней. И погиб.

Во время войны селение Сантарканджело захватили немцы. Тонино Гуэрра, мальчишка, прятался в лесу, но иногда приходил тайком навестить свой дом с зеленым воздухом под инжиром. Село кишело немцами, а леса — партизанами. В одну из вылазок у Тонино оказались листовки. Так он попал в немецкий лагерь. У него есть множество поразительных сюжетов об этой поре. О том, как их, итальянских пленных, спасали от голода землячки-проститутки. Зарабатывали по немцам и потом делились со своими. Однаж-

стихов и сам опубликовал первую книгу Гуэрры. Ну а после нее на автора обратили внимание режиссеры.

— Я стараюсь собирать все свои эмоции. Когда я приехал навестить сына в Рим и стоял в коридоре, глядя сквозь большие венецианские окна на улицу, вдруг я увидел, что кто-то как будто пачкает стену дома напротив грязными пальцами, оставляет темные полосы. Это длилось одно мгновение, а потом хлынул дождь. Для Феллини нельзя написать: «Идет дождь». Какой дождь? Какой воздух?

Маленький воздух Пеннабилле и маленький дождь этого маленького городка в горах — тот маленький мир, куда удалился Тонино Гуэрра, покинув Рим. Здесь он разрисовывает своими мечтами долину реки Мареккья, что означает «Маленькое море», застраивает ее маленькими монументами, фонтанами и музеями. Последний фонтан, который сочинил Тонино, — это ковер, летящий над водой, то ли унося, то ли возвращая Пеннабилле сны его обитателей. Вместе со скульптором Армандо Понодорро Гуэрра построил рядом со своим домом церковь с особыми воротами. Это дверь, которая собирает все закаты. И еще Тонино посадил сад забытых фруктов: фруктов, исчезающих с лица земли. «Пусть люди срывают их, чтобы через запах и вкус найти свое прошлое».

— А вы бы взяли да приехали к нам, — сказала Лора. — Наш дом открыт для всех русских. Это ведь совсем несложно. Надо только купить билет.

Я так и сделаю. Мы будем гулять по горным тропинкам и лакомиться плодами, каких уж нет на земле. Чучела птиц оживут и сядут нам на плечи. И мы увидим все закаты сразу. И моя девочка перестанет хромать и кричать по ночам. Мы непременно купим билет в эту сказку. И очень просто.

● Алла БОССАРТ

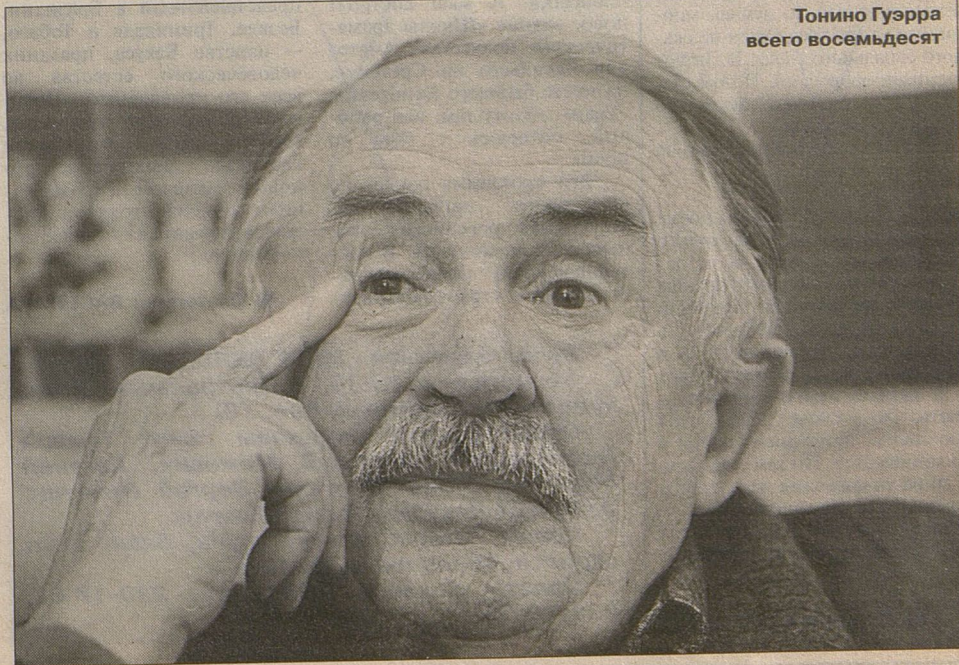
**Т. Гуэрра
о России:
когда длинная
зима, нужны
сказки, чтобы
согреться**

ды Тонино очнулся от голодного обморока и увидел у себя на груди два яблока. А на динамитной фабрике, где он работал, его спасала русская Зина. Он не справлялся, не успевал, и «Дзина», закончив свою норму, вставала за станок рядом с ним.

В лагере Тонино начал писать стихи. Там было много пленных из Романьи (область в Италии). «Когда человек в страдании, — говорит Гуэрра, — ему нужен язык его детства. Я сочинял для них на романском диалекте. И каждый вечер устраивал для них представление».

После Германии, когда их освободили американцы, Тонино учился в университете Рубино. «Кстати, родина Рафалля», — делает сноску Лора. «Спасибо, — иронически улыбается Тонино, — ты хорошо дополнил мой культур». Ректор этого университета Карло Бо пришел в восторг от его

P.S. Автор благодарит Лору Гуэрра за приглашение и Ирину Марголину, сценариста программы «Анимация от А до Я», за предоставленные видеоматериалы.

Тонино Гуэрра
всего восемьдесят